

ДЖО ДАНТОРН
Дети
радия

JOE DUNTHORNE

Children of Radium

A Buried Inheritance

ДЖО ДАНТОРН

Дети радия

*Захороненное
наследие*

*Перевод с английского
Ольги Токаревой*

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
Д19

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Данторн, Джо.

Д19 Дети радия. Захороненное наследие / Джо Данторн; пер. с англ.
О. Токаревой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2027. — 256 с.

ISBN 978-5-17-177873-6

Эта книга британского писателя Джо Данторна должна была стать одной из тех типичных семейных историй, которые рассказывают о судьбе евреев в нацистской Германии. Прадед автора Зигфрид работал химиком на производстве зубной пасты, растил двоих детей и мечтал о более заметной карьере, пока к власти не пришел Гитлер и всей семье не пришлось бежать из страны. Однако, погрузившись в семейные архивы, Данторн обнаруживает, что все не так однозначно. В частности, он с удивлением узнает, что его прадед на момент отъезда руководил лабораторией, в которой разрабатывались отравляющие газы. “Дети радия. Захороненное наследие” написана почти что в детективной форме: отправившись по следам предка сначала в Германию, а затем и в Турцию, автор распутывает клубок семейных тайн и вместе с тем пытается понять, что эта правда меняет для него самого.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-177873-6

- © Joe Dunthorne, 2025
- © О. Токарева, перевод на русский язык, 2027
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2027
- © ООО “Издательство АСТ”, 2027
- Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

I.	ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ	13
II.	“СУПЕРЛОСТ”	27
III.	“ОРГАЦИД”	71
IV.	МОЛОДАЯ РЕСПУБЛИКА	99
V.	ВАШ ПРЕДАННЫЙ СЛУГА	133
VI.	УСПОКОЕНИЕ	153
VII.	ПО ТУ СТОРОНУ СТЕНЫ	189
VIII.	НАТУРАЛИЗАЦИЯ	223
	ЭПИЛОГ	241
	ОТ АВТОРА	243
	БЛАГОДАРНОСТИ	245
	АВТОРСКИЕ ПРАВА И РАЗРЕШЕНИЯ НА ИЗДАНИЕ..	249

Эта книга посвящается моей маме

“Можно ли увидеть невидимое?”

Из интервью
с Вильгельмом Рентгеном
вскоре после открытия им
икс-лучей в ноябре 1895 года

ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ

В детстве моя бабушка чистила зубы радиоактивной зубной пастой. Действующим веществом служил облученный карбонат кальция, а химиком, разработавшим эту пасту, был ее отец. Он принес несколько тюбиков домой еще до того, как паста начала продаваться в магазинах. Произведенная под торговой маркой *Doramad*, она обещала наполнить десны “новой жизненной энергией” и сделать улыбку “ослепительно белой”. Дом находился так близко к заводу, что бабушка засыпала под гул автоклава. В 1935 году, когда ей и ее родным пришлось покинуть Германию, они взяли тюбики этой пасты с собой и отправились за тысячу миль на восток, и их чемоданы всю дорогу тихо испускали альфа-частицы. Во время войны бабушка узнала, что паста, которую помог создать ее отец-еврей, пользовалась большим спросом в немецкой армии. Филиал завода в оккупированной Чехословакии работал над тем, чтобы войска, продвигаясь на восток, могли зверствовать, убивать людей и сжигать целые деревни дотла с сияющими зубами.

Правда, рассказала мне об этом не она. Все, что я знал о жизни бабушки, пришло ко мне из вторых рук в виде историй, затертых множеством пересказов. Когда я собрался жениться, мама подарила мне перстень с кровавой яшмой и сказала, что он “был спасен от нацистов” в 1935 году. Глядя на черный овал камня с красными вкраплениями, я представил побег своих родных со столь необыкновенной ясностью, какая доступна лишь в состоянии блаженного неведения. От дяди я получил в подарок плакат с улыбающейся блондинкой; она рекламировала пасту *Doramad* и буквально светилась изнутри. Я повесил плакат над рабочим столом и начал писать о детстве моей бабушки. Все шло хорошо — пока не вмешалась та, о чьей жизни я хотел рассказать.

Я пробовал взять интервью у бабушки, когда гостил у нее в Эдинбурге. Это было больше десяти лет назад. Она сидела в низком кресле, одетая в пушистый свитер, который размывал ее очертания, и давала мне понять, что я еще не готов. Все мои вопросы были неправильными, и я помню, как она долго и все шире зевала, прежде чем сказать: “Слушай, может, тебе прочитать об этом книгу?” Спустя несколько месяцев я попробовал снова, сообщив бабушке, что теперь-то я прочитал об этом книгу — отмеченную наградами, подробную книгу воспоминаний нескольких поколений одной богатой еврейской семьи, вынужденной из-за преследований уехать из Одессы в Вену, а затем в Париж, эталон жанра и, кажется, образец того, как можно подойти к истории ее собственной жизни, — книгу, которую, как выяснилось, она уже читала и совершенно не оценила. Она отказалась ее брать со словами: “Нет, все было не так”. Но как же все было? Я не осмелился спросить еще раз.

Где-то глубоко внутри я надеялся, что однажды бабушка, приближаясь к концу жизни, возьмет меня за руку и заговорит, начнет освобождаться от бремени, сбрасывать с себя прошлое, и это будет знак, что мне пора взяться за блокнот. Вместо этого к ней незаметно подкралась деменция, а затем и депрессия. Бабушка всегда была остроумной и прямолинейной, и даже когда ее прямота скатывалась в грубость, ей это сходило с рук, ведь она часто смеялась от души. Но теперь она перестала смеяться и начала изводить сиделок со скоростью одна в неделю, а некоторых доводила до слез при первой же встрече. Шотландско-немецкий акцент придавал бабушкиным грубостям особую мощь, и саму себя она тоже не щадила. “Есть люди ужасно милые, — сказала она как-то раз, когда я вез ее на коляске по парку, — а есть ужасные, как я”.

Она умерла в 2017 году в возрасте девяноста двух лет. На ее похоронах мы с сестрой произнесли совместную речь, в которой попытались воспроизвести характерные высказывания бабушки на смеси шотландского и немецкого с проблесками турецкого. При подготовке текста мы обращались за помощью к родственникам и друзьям, и, хотя все они сошлись в том, что она говорила незабываемые вещи, никто не смог вспомнить точные слова — если не считать горстки оскорблений, признанных слишком грубыми для церемонии. Казалось, будто своей речью нам удалось лишь показать, сколь многое безвозвратно ушло вместе с бабушкой. Но и это ее по-своему воскрешало. Мы ощущали ее присутствие в той пустоте, что осталась после нее.

Только спустя два года со дня ее смерти, когда мы собрались всей семьей у нее дома, мне хватило смелости войти в ее бывшую спальню. Я был бы рад сказать, что начал рыться в ее вещах из-за желания стать ближе